

НИНА ОБРЕЗКОВА: «Рыцарша» из Сыктывкара

В последних числах мая в Национальной библиотеке Удмуртской Республики прошла встреча с коми поэтом, переводчиком, общественным деятелем Ниной Александровной Обрезковой, организованная журналом «Инвожо» и Союзом писателей Удмуртии. Встреча происходила в рамках проекта «К тебе ведёт мой путь...», инициатором и автором которого выступила народная артистка Удмуртской Республики Надежда Уткина. На встрече присутствовали как именитые удмуртские литераторы, так и студенты Удмуртского государственного университета. Сама Нина Александровна призналась, что не представляла масштаба мероприятия и не ожидала увидеть на встрече столько заинтересованных гостей. Будучи давним другом журнала «Инвожо», Нина Александровна любезно согласилась дать нам интервью.

– Расскажите немного о себе, откуда Вы есть, с какой реки?

– Я родилась и выросла в Удорском районе Республики Коми. А точнее, с реки Мозын, что в переводе на русский – Мезень. На этой реке прошло моё детство, и теперь проходит время зрелости и, надеюсь, будет проходить и время мудрости. Из всех версий происхождения названия реки мне нравится вот это: когда-то реку называли пригодной для жизни, пригожей – «моздана ю». Затем стало Мозын. Возможно, всё было не совсем так, но мне так нравится, потому что для меня моя река самая пригожая, самая родная, самая пригодная для моей жизни...

– Как Вы пришли к коми литературе? На встрече Вы рассказывали, что перед вами в начале становления было много дорог...

– Я могла стать проводницей, архитектором, высококлассным механиком полиграфического оборудования. Могла стать и актрисой... Но стала филологиней. Опять же могла стать русским филологом. Если бы не декан общего тогда филфака, человек, сделавший коми язык смыслом своей жизни, Евгений Александрович Игушев. Посмотрев мой аттестат, он мне сказал: «Коми язык – пять, коми литература – пять. Почему рус-

ское отделение? Давай на коми». Я попрощалась с идеей стать филологом, поскольку стать коми филологом в мои планы не входило... Кто ж в самом начале 80-х знал, кроме избранных, что очень скоро коми язык стремительно войдёт и в мою жизнь, и жизнь многих и многих моих коллег, друзей, жизнь республики... и станет смыслом и моей жизни. Безмерна благодарность моя и Евгению Александровичу, и другим преподавателям коми кафедры Сыктывкарского университета, как-то незаметно влюбившим меня и в коми язык, и в коми литературу.

– Но как она начиналась, Ваша литературная жизнь, если Вы до этого мечтали быть филологом и не представляли себя пишущим на коми языке?

– Посеянное в годы учёбы в университете, встречи с такими же, как я, молодыми литераторами, наши бесконечные разговоры, начали давать свои всходы. Хотя, по современным меркам, писать я начала поздно. Лет с 20-ти. И, конечно, душу мою взбудоражила любовь. Хотя влюблялась я и раньше, но тогда до стихов дело не дошло... А тут, видимо, звёзды сошлись так, что пришло вместе с Любовью и Слово... Чтoб было как рассказать миру о своём счастье.

Есть у меня «четырёхтомник», где в каждой книге по 30 стихотворений. В эти книжки вошло двадцать лет моей жизни. Может ли жизнь человеческая уместиться в 120 стихотворений? Видимо, может. Но надо понимать, что каждая книга собирается в какой-то определённый момент жизни автора, когда он сравнивает сказанное им со своей памятью, своими ощущениями, своими мыслями, и решает, включать ли тот или иной стих в книгу о своей жизни. Ведь практически любая книга, так или иначе, в той или другой мере, есть книга о жизни автора.

Был в моей жизни момент, когда я испугалась, что написанное мной кто-то читает. И ведь ты не знаешь, как действует на читателя твоё слово. Это был момент осознания, момент, если хотите, истины

– поэт несёт огромную ответственность за свои слова, за своё Слово. Сейчас времена-ми тоже накатывает, но сейчас я знаю, это проходит, потому что в основном всё так, как надо... Ответственность за слова сидит в голове, в сердце, в душе. Мне иной раз говорят, да у кого жизнь поменялась из-за слов? Почитали, дай Бог, и забыли стихотворение. Нет, момент «а вдруг» всегда должен присутствовать. Даже если у одного человека что-то вздрогнет... Произведение должно давать надежду. Самый сумрак твоей души должен в поэзии преломляться в свет в конце туннеля.

– Поэзию каждый интерпретирует по-своему. А что для Вас Поэзия с большой буквы? Для человека, девять месяцев живущего в зимних условиях, для человека, постоянно слышащего вековые стоны тайги и журчание понимающей коми язык реки Мезень?

– Да, Поэзия для меня – воспоминание о прошлом и будущем. Это может показаться абсурдным, но настоящее настолько

быстрокрыло, что мысль человеческая не может за ней лететь, мгновенны только чувства, вызванные настоящим. А потом уже как воспоминание о настоящем – облечённые в мысль слова. Мысль о будущем точно так же вызвана настоящим: что-то произошло – миг – и ты испугался, обрадовался, встревожился – что-то будет. Есть такие «провидческие» стихи – что может быть в будущем – и если это чёрное будущее, обязательно в конце – обращение к себе, людям, Богу, чтобы этого не случилось. К примеру, есть у меня стихотворение о

реке Мезень, знающей много языков, в том числе и коми язык. И испуг, что когда-нибудь только Мезень будет знать коми язык, а люди уже нет. И унесёт река ненужный людям коми язык навсегда. И обращение: люди, не дайте этому случиться. Возможно, это уже на грани публицистики, но сегодня в вопросе сохранения родных языков, малой родины, на мой взгляд, возможно подобное смешение жанров. Вообще, поэзия – это сочетание несочетаемого. Небо, стекающее в кружку молока, река, забывшая свою воду, земля, рождающая камни, зима, как девятимесячная беременная женщина и многое другое... Но каждый прочитает своё. Не на уроках литературы. Один.

– Вы много работаете над переводами литературных текстов, Ваши тексты тоже переводят на разные языки... А как Вы сами относитесь к переводам?

– Перевод – это что-то очень большое, как океан со своими тайнами, и что-то очень личное, как родник. Я своим студентам говорила: «Если вы написали стихотворение, и оно вам кажется гениальным, переведите его на другой, может быть, русский язык. Переведите сами. И вы можете столкнуться с тем, что вы поймёте негениальность своего стиха». Меня не всегда устраивает то, как переводчики переводят мои стихотворения. Переводчик всегда вносит что-то своё. К примеру, наш язык не пафосный, не цветистый, а переводчик может внести туда изобилие, предположим, русского языка. Переводчик может перевести «северное» стихотворение в цветущее «южное», внося туда обороты, не свойственные коми языку. Здесь спор неуместен, поскольку правда у каждого своя. Я согласна где-то с тем, что перевод должен быть понятен и близок к языку не оригинала, а перевода. Чтоб переведённое для читателя стало своим, как будто написанным на его языке. И всё же... такие переводы-стихи уже почти не твои.

Что касается переводов с других языков на коми язык, я за сохранение и формы стихотворения, и образного ряда при возможности. Но это опять же не всегда возможно в силу, предположим, разных культур. Как перевести произведение, в котором есть верблюды, а у нас их нет?

– Вы переводили стихотворения наших удмуртских поэтесс на коми язык?

– Да, переводила. У нас был проект взаимопереводов четырёх финно-угорских поэтесс – мари Альбертина Иванова, мокша Рая Орлова, коми Нина Обрезкова, и удмуртка Муш Нади. До этого переводила Катю Макарову. Причём свои переводы сделала темой своей магистерской работы. Сейчас в рамках этого проекта перевела произведения у Люзы Батрединовой, её пес-

ню «Заныкай». Её уже поёт Надежда Уткина на коми языке... Перевожу с подстрочниками, но практически с оригинала. Сначала непонятно-непонятно, а потом «погрузишься» в язык и свободно плаваешь. Сейчас у нас новый проект. Так как наша республика многонациональная, то мы подумали, что было бы хорошо перевести стихотворения поэтов народов, проживающих в республике, на коми язык. Перевели произведения татарской, чувашской поэзии. Конечно, будем переводить и удмуртскую поэзию, но, видимо, не скоро, поскольку совсем недавно номер журнала «Войвыв кодзув» полностью был посвящён удмуртской литературе.

– Вы пишете про любовь?

– Я думаю, каждый поэт про любовь пишет, но у одного это – небо в алмазах, у другого – книга в библиотеке, у третьего... Любовь – это время, это не пространство. Любовь – это поэзия. У коми народа слово «любовь» переводится как «муслун». А «мус» – это печень. У коми любовь живёт в печени – мус. Удмурты тоже говорят «муспотон, мусокай». Этому есть логичное объяснение. Когда печень чистая, в ней нет желчи – человек не злится, тогда он способен любить. Супер! Всё придумано до нас.

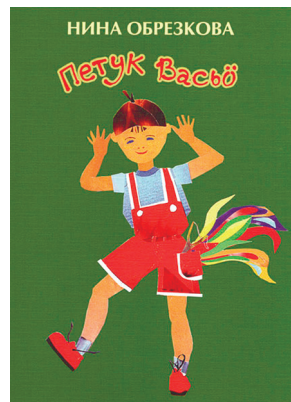
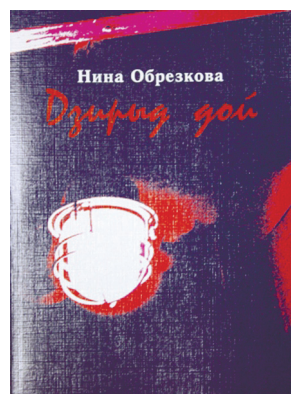
– Говорят, в финно-угорских литературах России драматургия – слабое звено. Отчасти это связывают с тихим и миролюбивым нравом наших народов, а в драматургии важен конфликт. И поэтому, говорят, что у нас нет ярких драматургов. Какое сейчас состояние драматургии в вашем театре?

– Я не могу сказать, что у нас театры захлёбываются от избытка коми пьес. У нас есть авторы, которые пишут много, их ставят, на них ходит зритель. Ну, пожалуй, и всё. Ставка сейчас в театрах на «привозных» драматургов, на русские и зарубежные пьесы. В национальном театре их переводят на коми язык. Последняя из таких постановок коми театра – «Буря» Шекспира.

– Нина, Вас представили, как художника слова, но Вы и художник действия, прекрасный перформанс-мейкер. На этнофутуристическом фестивале «Идна» с художницей Ириной Федосовой, говорят, Вы показывали потрясающий перформанс о вечном противоборстве двух женщин. Вы ещё делаете перформансы?

– Это очень интересно. Перформансы – коварная штука, прежде всего, для работающих в нём. Провокация там будь здоров, и какая сработает в тот или другой момент, никто сказать не может. Идея перформанса рождается, вынашивается, выговаривается, но не полностью, поскольку недоговорённость – есть суть перформанса. Первый перформанс родился следующим образом. У меня долго не выходила моя первая книга стихов. Энергетика книги меня убивала, книга не выходила из меня, не шла к людям. И дальше – ноль энергетики. В итоге эта книга вышла через перформанс. Причём

понимание, что это выход книги, пришло потом. Последний раз в 2018 году, опять же с Ириной Федосовой, мы делали перформанс о молоке матери, о музыке, обо всем. Мы ходили с подругой, разговаривали, и я подумала, что хочу себе сшить платье из крышечек консервных банок, чтобы это всё гремело. Ещё была остра боль от ухода мамы. И я просто по кругу расставила кресты и надевала на них мамины платья, рассказывая про них, что вот это платье мама надевала в школу, это ещё куда-то... Подобным образом рассказала про все платья. Там звучала аутентичная запись плача дочери по матери. Сейчас я понимаю, что это было освобождение от тяжёлой утраты, из состояния сильного горя, с которым очень сложно жить. Почти всегда из перформанса выходишь с ощущением лёгкости. Но это тяжесть, от которой ты освобождаешься, не переходит к зрителям. Да, в этом перформансе мы отрывали от подола мате-

ри – белой рубахи смоченные в «молоке» маленькие распашонки и раздавали людям. Мужчины плакали. Но это были чистые слёзы...

– На встрече с Вами гости отметили, что подобным образом возобновляется карнавальная культура. Очень хочется посмотреть записи этих перформансов. Вы сказали, что записи есть, а можно это где-то увидеть?

– Не все записи есть, но что-то есть. Я Вам ссылки отправлю.

– На какие языки переведены Ваши стихотворения?

– На финский, эстонский, венгерский, удмуртский, мордовский, марийский, английский, французский, русский, болгарский, немецкий...

– Вас в шутку называют «рыцаршей». Расскажите об истории вашего «рыцарства».

– А всё очень банально и просто. Как-то меня посол Венгрии в России от имени Правительства Венгрии наградил орденом

Рыцарского Креста за переводы поэтов и писателей Венгрии на коми язык. Вот отсюда теперь все в шутку называют меня «рыцаршей» (*Смеется*).

Беседовала **Наташа Кириллова.**